

Czas w kulturze rosyjskiej Время в русской культуре

pod redakcją
Andrzeja Dudka

Czas w kulturze rosyjskiej
Время в русской культуре

Seria Antropologia Kultury Rosyjskiej
pod red. Andrzeja Dudka

Dotychczas ukazały się:

Rosyjskie dzieciństwo. Русское детство, pod redakcją Katarzyny Dudy i Andrzeja Dudka, Kraków 2015

Katarzyna Anna Duda, *Szkice o prozie rosyjskiej XXI wieku. Ulicka, Szyszkina, Pilewin, Minajew, Sienczyn, Kuricyn, Starobiniec...*, Kraków 2017

Czas w kulturze rosyjskiej

Время в русской культуре

pod redakcją
Andrzeja Dudka

Kraków 2019

© Copyright by individual authors, 2019

Recenzenci:

prof. dr hab. Tereza Obolevich (SBDNP)

prof. dr hab. Anna Woźniak

prof. dr hab. Joachim Diec

prof. dr hab. Zbigniew Greń

Redakcja

Helena Piecuch, Magdalena Romanowska

Koncepcja okładki

Marta Dudek

Opracowanie graficzne

Paweł Sepielak

ISBN 978-83-8138-138-3

DOI <https://doi.org/10.12797/9788381381383>

Publikacja dofinansowana przez Wydział Studiów Międzynarodowych i Politycznych
Uniwersytetu Jagiellońskiego

KSIĘGARNIA AKADEMICKA

ul. św. Anny 6, 31-008 Kraków

tel./faks: 12 431 27 43, 12 421 13 87

e-mail: akademicka@akademicka.pl

Księgarnia internetowa: www.akademicka.pl

Spis treści. Содержание

Andrzej Dudek , Czas w kulturze rosyjskiej. Uwagi wstępne.....	9
---	---

CZAS W JĘZYKU. JĘZYK W CZASIE ВРЕМЯ В ЯЗЫКЕ. ЯЗЫК ВО ВРЕМЕНИ

Ewa Komorowska , Frazeologizmy z wykładnikiem <i>время</i> w języku rosyjskim.....	23
Алла Лихачева , Фактор времени в современном российском городском номинативном дизайне.....	41

SAKRALNE I MITOLOGICZNE RYTMY CZASU САКРАЛЬНЫЕ И МИФОЛОГИЧЕСКИЕ РИТМЫ ВРЕМЕНИ

Елена Левкиевская , Время земное и время мифологическое в русских мифологических нарративах.....	55
Hanna Kowalska-Stus , Пространственное восприятие времени в кругу византийской культуры.....	65
Józef Kuffel , Aspekty temporalne w <i>Żywocie św. Kiryła Biełozierskiego</i>	77
Anna Kościółek , Пост в жизни и творчестве Андрея Муравьева	89
Наталья Мариевская , Историческое и сакральное время в структуре современного российского фильма. Звягинцев – Сокуров – Балабанов	101
Małgorzata Abassy , Człowiek w czasie i czas w człowieku. Fenomen czasu w ujęciu Jewdokiji Marczenko – „Radasteja”	115

KONCEPTUALIZACJE CZASU W ROSYJSKIEJ MYŚLI TEOLOGICZNEJ I FILOZOFICZNEJ ОСМЫСЛЕНИЕ ВРЕМЕНИ В РУССКОЙ БОГОСЛОВСКОЙ И ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

Dymitr Romanowski , Александр Шмеман. <i>Sub specie aeternitatis</i>	133
Виктор Троицкий , Энантиодромия как обобщенная форма времени в русской культуре Серебряного века.....	149

Оксана Седых , Миг и вечность как антиномия: П.А. Флоренский и культура Серебряного века.....	157
Елена Тахо-Годи , Проблема времени в художественной прозе А.Ф. Лосева	171
Leszek Augustyn , Kultura transcendencji: czas egzystencjalny w ujęciu Mikołaja Bierdiajewa	181
Marta Lechowska , Маскарад как бегство от самого себя. Рассуждения Федора Степуна о человеке, времени и вечности	195
Roman Mnich , Проблема времени в философском литературоведении Дмитрия Чижевского	203

KULTUROZNAWCZE I HISTORYCZNE KONCEPTUALIZACJE CZASU КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ВРЕМЕНИ

Ирина Колесник , Категория времени в науке и культуре: рефлексии историка	217
Ирина Едошина , Эпоха <i>fin de siècle</i> : культурфилософские очертания	233
Александр Турыгин , Теория „переломного времени” Райнхарта Козеллека: возможности применения в изучении российской истории XVIII в.	249

CZAS JAKO ASPEKT ŻYCIA SPOŁECZNEGO ВРЕМЯ КАК АСПЕКТ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Елена Самойлова , Локальные маркеры времени в традиционной культуре поморов XIX-XX вв.	265
Валентина Веремченко , Ощущение времени в концепте передовой педагогики в России в начале XX века	275
Ирина Синова , Революция 1917 года в России как фактор времени в контексте ретрансляции на повседневную жизнь	287
Алла Сальникова , „До” и „после”: репрезентация времени в детских автобиографических нарративах первого советского десятилетия	297
Татьяна Руюткина , Трансформация понятий „раньше” и „теперь” в народной памяти (по материалам „устной истории”)	307
Ильнара Ханипова , Реалии нового советского времени в деревне татарской АССР и их отражение в национальной литературе 1920-1930-х гг.	317
Kinga Nędza-Sikoniowska , „Czasie, naprzód!” Chronometraż w zakładzie pracy, w radzieckim społeczeństwie, w nowej rodzinie.....	331
Stanisław Fiszer , Концептуализация социального и исторического времени в позднем творчестве Александра Зиновьева	347
Иван Радиков , Проблема баланса потоков политического времени в развитии российского общества	355
Marian Broda , Paradoxy teorii rosyjskiej (nie)współczesności? Iwana Jesaulowa koncepcja mitologicznej dominanty w strukturach postsowieckiej codzienności	367

Anna Kadykało , Забыть Афган? Нет, невозможно. Об эволюции восприятия советско-афганской войны (1979-1989) в общественном сознании россиян и в российском политическом дискурсе	379
--	-----

TEMPORALNE ASPEKTY LITERACKIEGO OBRAZU ŚWIATA ВРЕМЕННЫЕ АСПЕКТЫ ЛИТЕРАТУРНОЙ КАРТИНЫ МИРА

Василий Щукин , Художественные модели времени в русской литературе XIX века (на материале избранных произведений классиков)	395
Михаил Строганов , Одолеть пространство временем. Время в русском тревелогe XIX века	405
Константин Баршт , Время и Апокалипсис в произведениях Ф.М. Достоевского	413
Magdalena Dąbrowska , Wiersz Michała Murawjowa <i>Noc</i> – tekst i konteksty	433
Елена Созина , Время и место. Феномен восьмидесятилетия и его рефлексии: М.Н. Альбов, Д.Н. Мамин-Сибиряк, А.П. Чехов	443
Евгения Строганова , Тюремно-каторжные тексты И.П. Ювачева: особенности восприятия и репрезентации времени.....	455
Светлана Титаренко , Идея вечного возвращения Фридриха Ницше в поэзии русского символизма	465
Izabella Malej , „Жизнь и смерть в круженье вечном”. О metamorfozach czasu w twórczości Aleksandra Błoka	479
Йозеф Догнал , Роль времени в повести А.М. Ремизова <i>Часы</i>	495
Andrzej Dudek , Между мгновением и вечностью. Временные аспекты картины мира в творчестве Дмитрия Мережковского.....	505
Iwona Krycka-Michnowska , Wobec przemijania. <i>Jęgor Bułyczow i inni</i> Maksyma Gorkiego – próba (re)intepretacji	523
Monika Sidor , Czas historyczny i doświadczenie. Strategia opisu przeszłości w eposie <i>Czerwone Koło</i> Aleksandra Sołżenicyna	535
Kristina Vorontsova , Время как постмодернистская игра в повести Елены Шварц <i>Концерт для рецензий</i> : Гоголь, Довлатов и все-все-все	545
Elżbieta Tyszkowska-Kasprzak , „Время для космоса болезнь, а для нас – древо жизни”. Метафизика времени в прозе Михаила Шишкина	557
Martyna Kowalska , Хаос времени – время хаоса. Роль и значение времени в современной российской драматургии	573
Bartłomiej Brządkiewicz , Потерянный во времени. Сюжетные сложности современной русской прозы. Выбранные примеры.....	591

Елена Левкиевская

Москва, Российский государственный гуманитарный университет

Время земное и время мифологическое в русских мифологических нарративах

The Earthly Time and Mythological Time in the Russian Mythological Narratives

Abstract: The article analyzes the mythological time conception and its distinction from everyday, trivial time in the Russian traditional world picture on the basis of the field data. The mythological time flows more slowly or more quickly or not exists absolutely sometimes in the “other” world according to the narratives. Russian traditional calendar regulated household, farm and ritual people course of action by means of personification of holiday sacral period of time (for example Friday or Sunday punish a woman for the after-hour work in the mythological narratives). The personification of calendar periods was the means of the time mythologization in the Russian traditional culture. There were special magic actions in the Russian ritual practice that manipulated time and transformed the trivial time into mythological one – “compressed” the time or “extended” it. The different periods of traditional calendar time received axiological connotations – some days were kind, favorable for the work (for example: spinning, weaving, plowing, sowing) another had a reputation of evil, adverse periods. Dialect designations of the week or daily periods explicate their axiological meanings (for example: “crooked”, “rotten”, “wild”, “wolfish” days).

Keywords: Russian tradition, mythological time, narrative, magic practices, personification of calendar time

Принципы и способы членения и измерения времени различны в современной, научной и традиционной картинах мира. Это связано, прежде всего, с тем, что в традиционной картине мира существует иерархия разных моделей времени, которые обладают разными характеристиками и по-разному соотносятся друг с другом, поэтому каждый момент времени может быть описан сразу по нескольким временным параметрам. В этой иерархии од-

новременно сосуществуют, по крайней мере, три модели времени: 1) мифологическое или абсолютное время, которое определяется основными архетипическими параметрами модели мира – оно имеет начало при сотворении мира и должно закончиться в эсхатологическом конце света; 2) относительное, цикличное время (оно также непосредственно связано с мифологическим уровнем), идущее по кругу, время „вечного возвращения”, подчиняющееся смене сезонных циклов, календарных праздников, месяцев, недель и суток – это время программирует повседневную жизнь человека; 3) индивидуальное время человека, его собственный век, проживание жизни от рождения до смерти¹. Индивидуальное время человеческой жизни – это бытовое, повседневное время, на которое по-разному проецируются временные модели двух мифологических уровней, программируя и регламентируя повседневную жизнь людей.

В настоящей работе будет рассмотрен лишь небольшой аспект проблем, связанных с проявлениями мифологического времени в земной, повседневной жизни человека. Здесь будут рассмотрены принципы конструирования мифологического времени в русской (и шире – славянской) традиционной культуре на примере текстов разных жанров (духовных стихов, мифологических нарративов о посещении человеком „иного” мира, сновидений), а также на примере регламентаций (системы запретов и предписаний), определяющих бытовое, хозяйственное и ритуальное поведение человека в разные моменты суточного, недельного и годового периодов. Материалом для работы послужили записи Полесской этнолингвистической экспедиции под руководством Н.И. Толстого², а также фольклорные и этнографические публикации по русской народной традиции.

В славянской традиционной культуре существует корпус текстов разных жанров, отражающих представления о разном „устройстве” земного и мифологического времени. Сюда относятся нарративы о посещении человеком „иного” мира и возвращении обратно; представления о возвращении душ умерших с „того” света на землю в определенные календарные периоды; запреты, предписания, ритуальные практики, определяющие отношения человека с мифологическим временем и его персонификациями. Из этих текстов следует, что мифологическое время конструируется иначе, чем бытовое, земное время, определяющее повседневность человеческой жизни, оно течет

¹ Т.В. Цивьян, *Мифологическое программирование повседневной жизни*, [в:] *Этнические стереотипы поведения*, под ред. А.К. Байбурина, Ленинград 1985, с. 167.

² *Народная демонология Полесья*, под ред. Л.Н. Виноградовой, Е.Е. Левкиевской, т. 3: *Мифологизация природных явлений и человеческих состояний*, Москва 2016; т. 4 (в печати).

с другой скоростью, а может вовсе отсутствовать³. Проблема восприятия и организации времени, а также его мифологического осмысления в русской (и шире – славянской) традиционной картине мира включает в себя ряд более частных вопросов: способы членения времени в традиционной культуре, архаические методы его измерения, аксиология времени (то есть наделение единиц времени положительным или отрицательным значением), магия времени, предполагающая возможность управлять временем, влиять на его течение, а также представления об обрядовом времени, жизненном времени человека и пр.⁴ Взаимодействие людей невозможно без выработки единого для всего сообщества представления о времени и его периодах (суточных, годовых, поколенческих, исторических и пр.) и умения обращаться со временем, в том числе регламентировать свое поведение в его разные периоды (например, для повседневного, профанного и праздничного, сакрального времени существуют свои нормы поведения).

Народная традиция (в том ее состоянии, которое зафиксировано по текстам XIX-XX вв.) не содержит единой, целостной картины „того света”, – она зависит от жанровых особенностей текста, степени влияния христианской традиции, а также функций и целей, ради которых этот текст воспроизводится в реальной коммуникативной ситуации. Таким образом, важной чертой традиционной культуры является существующая в ней „многослойная” картина потустороннего мира, под верхними, наиболее христианизированными слоями которой существуют более архаичные, в большей или меньшей степени проступающие сквозь более поздние наслоения. В зависимости от жанра и конкретной речевой ситуации в текстах могут актуализироваться то одни, то другие элементы знания о „том свете” и том, как там течет время⁵. Нужно подчеркнуть, что повседневное и мифологическое время по-разному соотносятся друг с другом как в повседневных практиках, так и в текстах разных жанров.

Восприятие времени в традиционной картине мира значительно отличается от того, как осознает время современный житель большого города, прежде всего потому, что человек традиционной культуры, проживая свою

³ С.М. Толстая, *Семантические категории языка культуры. Очерки по славянской этнолингвистике*, Москва 2010, с. 150-205.

⁴ С.М. Толстая, *Аксиология времени в славянской народной культуре*, [в:] *История и культура*, под ред. Л.А. Софроновой, Москва 1991, с. 62-66. С.М. Толстая, *Время*, [в:] *Этнолингвистический словарь „Славянские древности”*, под ред. Н.И. Толстого, Москва, 1995, т. 1, с. 448-452.

⁵ Е.Е. Левкиевская, *Представления о „том свете” у восточных славян*, [в:] *Славянский альманах*, Москва 2004, с. 342-367.

бытовую, повседневную жизнь в реальном, земном времени, постоянно осознает существование другого типа реальности – мифологического, потустороннего мира (и наличия там особого времени), который в текстах разных жанров соотносится с земным пространством сложным и неоднозначным образом. Например, в русских духовных стихах „иной” мир оказывается отделенным от земного, отделяется от мира живых людей какими-либо естественными преградами – непроходимыми горами, глубокими оврагами или реками:

За лесушками за темными,
За горами за высокими,
За облачками да за ходячими,
Да за частыми звездушками⁶.

Также „иной” мир отделен от земного большим расстоянием, которое нужно пройти, чтобы туда попасть, как в русском духовном стихе о расставании души с телом: „На путь бо иду долгий, по нему же николи же ходих”⁷. Поэтому в нарративах о посещении человеком „иного” мира (особенно в текстах визионерских жанров типа „обмирания”) длительность пути туда обычно выражается глаголами движения типа: „шел-шел, наконец пришел”.

В текстах, рассказывающих о попадании человека в „иной” мир, мифологическое время отделено от земного и наделяется особыми характеристиками: оно течет с другой скоростью или вообще отсутствует. Попадая в „иной” мир и возвращаясь оттуда, человек „переключается” из одного времени в другое, что накладывает отпечаток на его возраст (например, он возвращается на землю глубоким стариком, хотя провел в потустороннем мире всего несколько дней или месяцев). Этот мотив реализуется в известном сюжете о человеке, временно попавшем в „иной” мир, – когда он возвращается в свое село, то обнаруживает, что на земле за этот период прошло много лет. Обычно этот сюжет связывается с запретом ходить в лес в праздник Воздвиженья Честнаго Креста Господня (27/14.09), который, согласно народной этимологии, называется *Здвиженьем* (или *Здвигами*) и считается днем, когда все змеи уходят на зимовье под землю, после чего земля *сдвигается* на зиму⁸. Человек, нарушивший этот запрет, проваливается вместе со змеями под землю и зимует с ними в яме. Когда следующей весной (то есть через полгода) он воз-

⁶ А.Н. Соболев, *Мифология славян. Загробный мир по древнерусским представлениям (Литературно-исторический опыт исследования древнерусского народного мирозерцания)*, под ред. Ю. Сандулова, Санкт-Петербург 1999, с. 100-101.

⁷ Там же, с. 236.

⁸ А.В. Гура, *Символика животных в славянской народной традиции*, Москва 1997, с. 339-340.

вращается на землю и приходит к себе домой, его никто не узнает, поскольку все его родные уже умерли, так как на земле прошло уже много лет. В других вариантах этого сюжета потустороннее время, напротив, течет быстрее земного: герой, осенью попавший вместе со змеями в „иной” мир, весной возвращается на землю глубоким стариком, тогда как его ровесники еще не состарились.

Согласно другим представлениям, время в загробном мире или вообще отсутствует, или оно есть, но никуда не движется, в отличие от мира живых, в котором время всегда движется в одну сторону. Это мифологическое представление программирует ритуальные действия у восточных славян с остатками пасхальной пищи, прежде всего, со скорлупой пасхальных яиц, которую следовало выбрасывать в текучую воду. Это поведение поддерживается представлениями о живущих под землей *рахманах* (видимо, душах предков), у которых в их подземном мире нет времени, поэтому они не знают, когда наступает Пасха. Когда скорлупки от пасхальных яиц, пущенные людьми по воде, доплывают до царства рахманов, те понимают, что наступила пора праздновать Пасху. Название *рахманы*, которым в данном случае называются души умерших, возникло, видимо, под влиянием древнерусской рукописи XV века *Слово о рахманех и о предивном их житии* инока Ефросима⁹.

Особые отношения между мифологическим и повседневным временем существуют в народном календаре, который встраивал непрерывное течение времени в ритуализованную систему праздников и будней, „добрых” и „злых” дней, задавал временные границы и последовательность обрядов жизненного цикла. В народном календаре мифологическое время соседствует с земным и часто инкорпорируется в него, определяя время повседневной деятельности человека, его хозяйственные практики. В годовом календарном цикле граница между земным и „иным” миром проницаема в определенные моменты времени. В повседневной жизни человека мифологическое время как бы „накладывается” на бытовое, полностью регламентируя периоды работы и праздничного, ритуального времени, а также определяя хозяйственную деятельность человека. Кроме того, разные периоды календарного времени, организующего недельный и годовой циклы (например, Пятница, Неделя, св. Варвара, св. Юрий), могут персонифицироваться и восприниматься как своеобразные антропоморфные существа, которые могут наказывать человека, за нарушение временных регламентаций, существующих в традиции. Умение человека традиционной культуры обращаться с земным

⁹ *Александрия. Роман об Александре Македонском по русской рукописи XV в.*, под ред. М.Н. Ботвинника, Я.С. Лурье, О.В. Творогова, Москва, Ленинград 1965, с. 143.

и мифологическим временем организует весь жизненный уклад и встроено в годовой цикл традиционного календаря.

В своем повседневном поведении и ритуальных практиках человек традиционной культуры не просто учитывал разницу между земным, бытовым и мифологическим временем, но и с помощью специальных ритуальных приемов мог манипулировать ими, „преобразовывать” бытовое время в мифологическое. Об этом свидетельствуют магические приемы „сжатия” и „растягивания” времени, когда время становится одновременно объектом и инструментом магии. Примером магического приема, при котором время искусственно „сжимается”, может служить широко распространенная в русской (и восточнославянской) традиции практика изготовления так называемых *обыденных* предметов, то есть сделанных в течение одного дня (от восхода до захода солнца) или в течение одной ночи (от захода до восхода солнца). Чаще всего обыденными могли быть холст, рубаха, полотенце, деревянный крест, церковь, иногда другие предметы¹⁰. Обычно их изготавливали в охранительных целях – для защиты от эпидемии, непогоды и стихийных бедствий. Созданные таким образом предметы приобретали магическую силу благодаря тому, что весь технологический процесс, который обычно требует длительного времени, начинается и полностью завершается в „спрессованное” время – в течение одного дня или одной ночи. Магический прием „сжатия” времени мог осуществляться вербально – в так называемых „операционных” текстах, в которых строго последовательно описывается весь процесс переработки культурных растений (пшеницы, льна, конопли), начиная от момента сева до получения готового продукта (хлеба, полотна, рубахи и пр.). Такие тексты наделялись способностью отгонять нечистую силу, градовые тучи и другие виды опасности благодаря тому, что весь вегетативный и производственный цикл, который в реальном времени длится очень долго, в тексте „сжимается” и продолжается столько времени, сколько рассказывается сам текст. Противоположный магический прием „растягивания” времени основан на противоположном принципе: изготавливаемый предмет наделяется сакральной силой потому, что весь технологический процесс растягивается во времени. Например, у русских в Заонежье подвечную женскую рубаху шили в течение нескольких месяцев только в праздничные дни: „кроили четыре вечера благовещенских, вышивали по заутреням Христовым (на Пасху), дошивали по обедням Петровским”¹¹.

¹⁰ Д.К. Зеленин, *Обыденные полотенца и обыденные храмы*, [в:] его же, *Избранные труды. Статьи по духовной культуре 1901-1913 гг.*, Москва 1994, с. 193-213.

¹¹ С.М. Толстая, *Семантические категории языка культуры...*, с. 178.

Основная категория, определяющая соотношение бытового, повседневного времени и времени мифологического, – аксиология, поскольку время в традиционной картине мира почти никогда не бывает нейтральным, а разные отрезки суточного и годового цикла наделяются ценностными и оценочными коннотациями. Одни единицы времени (часы, дни, периоды) считаются благоприятными для разных видов деятельности и определяют начало пахоты, сева, прядения, изготовления полотна и пр., другие приобретают семантику „опасных”, „страшных” для человека (например, период Святков) или просто неблагоприятных для тех или иных хозяйственных работ. В частности, опасными в народной традиции считаются всевозможные временные границы (полдень, полночь, начало нового года, смена природных сезонов, период, когда луны не видно на небе и другие виды времени, осмысляемые как „пограничные”), когда потустороннее время как бы „прорывается в земную жизнь людей. Такое время осмысляется как „нечистое”, принадлежащее нечистой силе, что подчеркивается соответствующими названиями таких периодов, например, период безлунья называется: „гнилые дни”, „на меже”, „на перемене” – такие дни считаются бесплодными, „пустыми”, на эти дни избегают начинать какое-либо дело (например, не начинают сеять или жать). Другое опасное время, когда активизируется нечистая сила, – полночь. Семантика полночи как „нечистого” времени отражается в русских диалектных названиях этого периода суток: „дикая ночь”, „глухая ночь”, „волчья полночь”¹², „блудливая ночь”, т.е. время, когда человек блуждает, сбивается с дороги¹³.

Противопоставление сакрального и обыденного времени объясняется достаточно сильной регламентацией повседневного поведения человека в традиционной культуре, которое определялось целым рядом предписаний и запретов на различные виды хозяйственной деятельности в те или иные периоды времени. Особенно жесткой такая регламентация была в отношении сакрального, праздничного времени, когда действовал запрет на определенные виды работ. Этим можно объяснить мифологические сюжеты, в которых сакральные отрезки времени антропоморфизируются и персонифицируются, то есть ведут себя как мифологические существа, наказывающие человека, работающего во внеурочное время. „Антропоморфизация праздников является одним из механизмов мифологизации времени”¹⁴. Чаще всего персонифицируются праздничные дни годового цикла, большая

¹² Там же, с. 163.

¹³ *Словарь русских народных говоров*, под ред. Ф.П. Филина, Ленинград 1987, т. 21, с. 304.

¹⁴ С.М. Толстая, *Семантические категории языка культуры...*, с. 187.

часть которых совпадает с церковным календарем и обозначается именами христианских святых. Особый интерес для понимания механизма мифологизации времени представляют собой календарные песни, в которых перечисляются праздники, организующие годовой цикл. В таких песнях происходит отождествление праздника и святого, которому он посвящен, то есть персонификация праздника, который осмысливается как персонаж, занимающийся своим видом хозяйственной деятельности. В русских календарных песнях (например, в колядках) встречается устойчивый мотив следования друг за другом персонифицированных праздников:

Три брата шли, три родименьких.
Первый братец – Рождество Христово.
Другой братец – Василь Кесарецкий.
Третий братец – Иоанн Креститель.
Первый братец коровушек гонит с телятушками,
Другой братец овец гонит с ягняточками,
Третий братец лошадушек гонит с жеребятками¹⁵.

Такое перечисление календарных праздников, организующих годовой цикл с перечислением того хозяйственного блага, который несет с собой каждый из них (разные виды скота с приплодом) является еще одним способом мифологизации времени и одновременно механизмом продуцирующей магии.

Мифологическое время обуславливает практическую, хозяйственную деятельность человека, регламентируя разные виды работ. Прежде всего, это касается таких женских работ, как прядение, мотание ниток, изготовление основы, ткачество. Хронологические предписания касаются и некоторых мужских видов деятельности, прежде всего, пахоты и сева. В русских (и восточнославянских) нарративах персонифицированное время представлено образами: св. Филиппа, Коляды (олицетворение Святка), св. Пятницы:

Прясть неззя ў пятницу, бо Пятница — святая. Мотали только [нити]. Як прядеш у пятницу, она тябе накажэ: чы нарывы будуть, чы што. А можэ й го-лос быть ешчэ: «Што ты делаеш на мой день?» И ты заболееш (с. Картушино Стародубского р-на Брянской обл., 1982 г.)¹⁶.

Кроме того, в подобных рассказах действуют существа, олицетворяющие суточное время (*Ночь, Ночник, Ночница, Полудник, Полудница*), а также дни

¹⁵ Афанасьевский сборник. Материалы и исследования. Календарные обряды и обрядовая поэзия Воронежской области, под ред. Т.Ф. Пуховой, Воронеж 2005, вып. 3, с. 143.

¹⁶ Народная демонология Полесья..., т. 3: Мифологизация природных явлений..., с. 664.

недельного цикла (*Среда, Пятница, Неделя* в значении ‘воскресенье’). В одном из таких рассказов персонификация времени Святки (в православном календаре так называется время от Рождества до Крещения) наказывает женщину за неправильное поведение:

Ежели аставють на пряжи мычку, то пряжа скинеца и пропадетъ. На празники мычки никто не аставляѣ, а то Каляды на пупку [на пупке у нарушителя запрета] мычки подпалють на Ражество (с. Доброводье Севского р-на Брянской обл., 1984 г.)¹⁷.

Рассмотренные выше мифологические сюжеты и ритуальные практики, связанные с мифологическими представлениями, дают возможность сделать вывод о том, что в русской (и славянской) традиционной картине мира одновременно существует несколько моделей мифологического времени, которые по-разному эксплицируются в текстах различных жанров: абсолютное, онтологическое время, существующее в „ином” мире, наделяется особыми свойствами: оно или не имеет вектора движения, или течет быстрее (медленнее), чем в земной жизни человека. Отношения человека с циклическим, календарным временем гораздо многообразнее: с одной стороны человек воздействует на него с помощью магических приемов; с другой стороны, календарное время персонифицируется и воспринимается как своеобразное мифологическое существо, регламентирующее хозяйственную деятельность человека.

Библиография

- Александрия. *Роман об Александре Македонском по русской рукописи XV в.*, под ред. М.Н. Ботвинника, С.Я. Лурье, О.Н. Творогова, Москва, Ленинград 1965.
- Афанасьевский сборник. *Материалы и исследования. Календарные обряды и обрядовая поэзия Воронежской области*, под ред. Т.Ф. Пуховой, вып. 3, Воронеж 2005.
- Гура А.В., *Символика животных в славянской народной традиции*, Москва 1997.
- Зеленин Д.К., *Обыденные полотенца и обыденные храмы*, [в:] его же, *Избранные труды. Статьи по духовной культуре 1901-1913 гг.*, Москва 1994.
- Левкиевская Е.Е., *Представления о „том свете” у восточных славян*, [в:] *Славянский альманах*, Москва 2004.
- Народная демонология Полесья: Публикации текстов в записях 80-90-х годов XX века*, т. 3: *Мифологизация природных явлений и человеческих состояний*, под ред. Л.Н. Виноградовой, Е.Е. Левкиевской, Москва 2016.

¹⁷ Там же, с. 636.

Народная демонология Полесья, под ред. Л.Н. Виноградовой, Е.Е. Левкиевской, т. 4 (в печати).

Словарь русских народных говоров, под ред. Ф. Филина, Ленинград 1986, т. 21.

Соболев А.Н., *Мифология славян. Загробный мир по древнерусским представлениям (Литературно-исторический опыт исследования древнерусского народного мирозерцания)*, под ред. Ю. Сандулова, Санкт-Петербург 1999.

Толстая С.М., *Аксиология времени в славянской народной культуре*, [в:] *История и культура*, под ред. Л.А. Софроновой, Москва 1991.

Толстая С.М., *Время*, [в:] *Этнолингвистический словарь „Славянские древности”*, под ред. Н. Толстого, Москва 1995, т. 1.

Толстая С.М., *Семантические категории языка культуры. Очерки по славянской этнолингвистике*, Москва 2010.

Цивьян Т.В., *Мифологическое программирование повседневной жизни*, [в:] *Этнические стереотипы поведения*, под ред. А.К. Байбурина, Ленинград 1985.

Информация об Авторе

Елена Евгеньевна Левкиевская (Elena Je. Lewkijewskaja) – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, профессор Центра типологии и семиотики фольклора Российского государственного гуманитарного университета.

e-mail: elena_levka@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-1462-299X>

Utrwalone w świadomości Rosjan wyobrażenia o istocie czasu, odzwierciedlone w ich dziełach artystycznych, w myśli filozoficznej i teologicznej, w praktykach społecznych, rytuałach, mitach, w przeświadczeniach o naturze codzienności, stanowią materiał dla refleksji podjętej przez autorów tomu *Czas w kulturze rosyjskiej. Время в русской культуре*.

Rosyjskie doświadczanie i konceptualizowanie czasu analizowane jest z perspektywy kulturoznawstwa, filozofii, literaturoznawstwa, filmoznawstwa, językoznawstwa, folklorystyki, politologii i historii.

Rozważania o swoistym dla Rosjan odczuwaniu czasu, myśleniu o nim i jego wyobrażeniach, przedstawione zostały w rozdziałach poświęconych następującym zagadnieniom: czas w języku – język w czasie; sakralne i mitologiczne rytmy czasu; konceptualizacje czasu w rosyjskiej myśli teologicznej i filozoficznej; kulturoznawcze i historyczne ujęcia czasu; czas jako aspekt życia społecznego; temporalne aspekty literackiego obrazu świata.

W niniejszym tomie swoimi refleksjami dzielą się badacze reprezentujący uniwersytety i centra badawcze z siedmiu krajów.

